

М. Живанович

Институт новейшей истории Сербии
Белград, Республика Сербия

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
КАК КОНЦЕПЦИЯ В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ
И СЛОВЕНЦЕВ / КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИЯ**

В статье на основании опубликованных источников, мемуаров, литературы на русском и сербском языках, а также архивных материалов анализируются концепции, стратегии и идеи продолжения Гражданской войны против большевиков, которые выдвигались представителями русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевстве СХС, с 1929 г. – Королевство Югославия), теми, кто в результате революционных событий 1917 г. и той же войны покинули свою Родину. Уезжая из страны, русские беженцы были уверены, что пребывание в изгнании будет временным. Идея о скором возвращении домой давала смысл и надежду русскому зарубежью и каждому беженцу. С учетом военного характера русской эмиграции, это прежде всего относилось к Русской армии и военным союзам, в рамках которых объединялись бывшие офицеры и солдаты, которые в качестве основной цели своего отъезда в изгнание, своего существования и деятельности на чужбине недвусмысленно выражали именно надежду на скорый возврат в Россию и освобождение Родины. Исходя из парадигмы незаконченной Гражданской войны, подавляющее большинство представителей русского зарубежья жили в ожидании «Весеннего похода». Однако «Весенний поход» не был единственной концепцией продолжения борьбы с большевиками. В среде русской эмиграции существовали и иные стратегии продолжения Гражданской войны. Николаевские монархические организации – те, кто поддерживали претендента на царский престол великого князя Николая Николаевича, – надеялись на иностранную интервенцию, а кирилловцы – сторонники другого претендента, великого князя Кирилла Владимировича, – на военный переворот при посредстве военных специалистов Красной армии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская эмиграция; Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство Югославия); Гражданская война; большевики; Россия; СССР; зарубежье

Сведения об авторе: Живанович Милана, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт новейшей истории Сербии, Республика Сербия, г. Белград, milana.zivanovic@yahoo.com

M. Živanović

Institute for the Recent History of Serbia
Belgrade, Republic of Serbia

**RESTARTING THE RUSSIAN CIVIL WAR
AS A CONCEPT AMONG THE RUSSIAN EMMIGRANTS
IN THE KINGDOM OF SERBS, CROATS,
AND SLOVENES / THE KINGDOM OF YUGOSLAVIA**

This article examines the concepts, strategies, and ideas for restarting the Russian Civil War against the Bolsheviks proposed by representatives of the Russian diaspora in the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes (Kingdom of SCS, since 1929, the Kingdom of Yugoslavia) – those who left their homeland as a result of the revolutionary events of 1917 and the same war, using published sources, memoirs, literature in Russian and Serbian, and archival materials. When Russian refugees left the country, they were convinced that their exile would be temporary. The prospect of a quick return home provided hope to the Russian diaspora and all refugees. Given the military nature of Russian emigration, this primarily applied to the Russian Army and military alliances, which brought together former officers and soldiers who, as the primary reason for their departure into exile, their existence and activities in a foreign land, unequivocally expressed their desire for a prompt return to Russia and the liberation of their homeland. Based on the paradigm of the unresolved Russian Civil War, the vast majority of Russian diaspora representatives eagerly anticipated the “Spring Campaign”. However, the “Spring Campaign” was not the only strategy for continuing the fight against the Bolsheviks. There were additional plans for restarting the Russian Civil War among the Russian emigrants. The Nikolayev monarchist organizations, which supported Grand Duke Nikolai Nikolayevich, the pretender to the throne, hoped for foreign intervention, whereas the Kirillovs, who supported another pretender, Grand Duke Kirill Vladimirovich, hoped for a military coup aided by Red Army military specialists.

Key words: Russian emigration; Kingdom of Serbs; Croats and Slovenes (Kingdom of Yugoslavia); Russian Civil War; Bolsheviks; Russia; USSR; diaspora

About the author: Živanović Milana, Doctor of History, Senior Research Associate, Institute for Recent History of Serbia, Republic of Serbia, Belgrade

В результате революционных событий 1917 г. и Гражданской войны в России (1918–1922 гг.), в период с 1919 по 1923 гг. в ходе пяти крупных волн в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) приехали 41–44 тысяч русских беженцев [1, с. 186], 65–70 % которых составляли мужчины. Несмотря на факт отъезда из России и значительного числа гражданских лиц, большую часть русского зарубежья составляли военные, так как в изгнание отбыла вся Русская армия [2, с. 133–135].

Сам факт отъезда из родной страны беженцами воспринимался как страшная личная трагедия, сопоставимая со смертью. Философ Иван Александрович Ильин, идеолог Русского общевоинского союза описал свои чувства по этому поводу следующим образом: «Как тяжко утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... Для меня навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании... От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет, навсегда исчезли краски дня... и никогда больше не увижу я цветов и голубого неба... Как если бы я ослеп; или – некий голос грозно сказал бы мне: “больше не будет радостей в твоей жизни; в томлении увянешь ты, всем чужой и никому ненужный”» (Ильин, с. 1).

Уезжая из страны, русские беженцы были уверены, что пребывание в изгнании будет временным: «Каждый из нас надеялся, что это не так, что это временно, что все же какое-то решение будет найдено...» (цит. по: [2, с. 380]); «Надо думать о более надежном заработке, если с весны нельзя будет вернуться в Россию. Нельзя! Ужели? Страшно подумать!» (Скрынченко, с. 65). Эту уверенность и надежды иллюстрировали как типичное рождественское пожелание «встретить следующее Рождество дома», так и популярное среди беженцев в начале 1920-х гг. выражение о «сидении на чемоданах», которое означало их готовность продержаться еще немного и вскоре вернуться домой. Сама крылатая фраза в быту получала и живое воплощение: роль кресел выполняли шезлонги, на которые надевали чехлы и клали ватные валики [2, с. 380–381, 426].

Эта идея о скором возвращении домой давала смысл и надежду русскому зарубежью и каждому беженцу. С учетом военного характера русской эмиграции, это прежде всего относилось к Русской армии и военным союзам, в рамках которых объединялись бывшие офицеры и солдаты, которые в качестве основной цели своего отъезда в изгнание, своего существования и деятельности на чужбине недвусмысленно выражали надежду на скорое возвращение в Россию и освобождение Родины [2, с. 135, 229]. Для военных, как правильно отметил П. Н. Базанов,

боевые действия считались «единственной возможностью борьбы с большевиками» (цит. по: [3, с. 9]). Согласно трактовке ученого, эту эмиграцию составляли патриоты, «которые никогда бы из своей страны не уехали. Многие из них предпочли бы гибель (безразлично, от своей руки или от руки врага), если бы не надежда продолжить борьбу за границей» (цит. по: [3, с. 9]). Дело в том, что русские эмигранты трактовали свое изгнание как «политическое беженство», что обуславливало возвращение на Родину только после свержения большевистской власти любым возможным способом [3, с. 9]. Такую концепцию жизни в изгнании красноречиво описал И. А. Ильин: «Стоит ли жить тем, чем я живу? – Стоит, если за это стоит умереть... Предан ли я тому, чему я служу? – предан, если я способен и готов умереть за это дело (...) Мы, белые изгнанники – не беглецы и не укрывающиеся обыватели. Мы не уклонились от борьбы за Россию, но приняли ее и повели ее всей силой, и любовью, и волей. И ныне заявляем, пусть слышат друзья, и враги: борьба не кончилась, она продолжается» (Ильин, с. 3, 6).

Исходя из парадигмы незаконченной Гражданской войны [4, с. 55], а именно, что она «как бы на время притухла и поэтому может в любой момент вновь разгореться» (цит. по: [3, с. 8]), подавляющее большинство представителей русского зарубежья стали жить в ожидании «Весеннего похода» [3, с. 8], – по мнению А. В. Серегина, «комплекса психологических ожиданий участников Белого движения, связанного с надеждой на возобновление Гражданской войны против большевиков» (цит. по: [5, с. 187]).

После того как в ноябре 1920 г. со стороны оказавшего открытую поддержку борьбе Главнокомандующего Русской армией генерала Петра Николаевича Врангеля с большевиками правительства Франции последовало обещание о принятии на свое попечение беженцев из Крыма, большинство из них разместили в военных и гражданских лагерях в Константинополе и пригородах, а небольшую часть – в основном в Королевстве СХС и Болгарии, двумя сторонам предстояло договориться о политических планах. Именно в этом контексте генералом П. Н. Врангелем была сформулирована идея о сохранении военной организации армии для дальнейшей борьбы с большевиками [2, с. 25]. Если Франция «не признает армию, как ядра новой борьбы с большевизмом, я найду путь для продолжения этой борьбы», – заявил П. Н. Врангель (цит. по: Даватц, Львов, с. 17).

План действий по возобновлению вооруженной борьбы с большевизмом стал предметом обсуждения военачальников Русской армии еще до прибытия в Константинополь, на крейсере «Генерал Корнилов»

в водах Босфора: они рассчитывали на сохранение армии при помощи союзников – Франции и Великобритании, и высадку до 1 мая 1921 г. на Черноморском побережье России, т. е. организацию «Весеннего похода». Однако в силу различных обстоятельств возобновить борьбу с большевиками с территории Галлиполийского полуострова, острова Лемнос, из Чатаджи и Бизерты, где были размещены корпуса Русской армии и Военно-морская эскадра, так и не удалось, в итоге контингент Русской армии был перемещен в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев [6]. В середине июля 1921 г. в городок Сремски Карловцы (в Королевстве СХС) была направлена основная часть штаба Главнокомандующего Русской армией, а после некоторой задержки в Белграде в середине марта 1922 г. в тот же городок прибыл и сам генерал П. Н. Врангель [7, с. 19].

Несмотря на изначальные неудачи, командование Русской армии продолжило надеяться на то, что в относительно краткие сроки будет получена поддержка правительств крупнейших государств для осуществления плана по продолжению борьбы с большевиками [2, с. 249]. При этом при опоре исключительно на собственные военные силы. Данную точку зрения П. Н. Врангеля передавал генерал-майор Алексей фон Лампе в марте 1923 г.: «Борьба с Советскою властью была и останется главной задачей всех русских, находящихся на чужбине, но отнюдь не опираясь, однако, на Государства, враждебные России, ибо в последнем случае прежде всего пострадают национальные интересы нашей Родины. Борьба за освобождение России может и должна вестись только русскими руками, безо всякого участия иностранных войск, особенно польских или румынских. Всякие преждевременные разрозненные отдельные попытки к вооруженным нападениям на территорию Советской России абсолютно недопустимы, ибо ведут лишь к бесполезным жертвам и дискредитируют в глазах населения самую идею борьбы с большевиками» (цит. по: [8]). И сам И. А. Ильин подчеркивал, что «Дело освобождения и возрождения России есть наше дело и оно будет выполнено нашими силами и нашими руками» (Ильин И. А., с. 9). Идеолог призвал не надеяться ни на кого, кроме на Бога, вождей и самих себя – «вести конспиративную работу, хладнокровно готовить и наносить удары в борьбе» (Там же, с. 9–10).

Исходя из этих соображений, генерал П. Н. Врангель настаивал на сохранении военной организации для планировавшегося возвращения на Родину как основной цели армии. Его решительность и нацеленность на реализацию этой идеи разделяли как военные союзы и общества, так и обычные люди, бывшие солдаты, чье нетерпение было еще более

выражено, чем у старших офицеров. Так, в 1922 г. предполагалось, что казаки станут волноваться, ожидая призыва на войну против Советской России: «Не только рядовые казаки, но и многие офицеры убеждены, что наступающая весна – решительный срок для этой войны и упустить его было бы равносильно тому, чтобы вычеркнуть себя из числа живых» (цит. по: [2, с. 229–230]).

Стремясь объединить все силы для предстоящей борьбы, в 1922 г. в своем приказе П. Н. Врангель, отметив, что Русская армия «собрала под своими знаменами всех тех, кто в стремлении освободить Россию от врага... общего для всех национальных партий борется за русскую национальную идею», призывал к сплоченности в рядах русской эмиграции: «Доколе эта борьба не закончена, вокруг Армии должны, казалось бы, объединиться все – от республиканца до монархиста» (цит. по: [9]). «Один неверный шаг может вызвать недоверие народных масс, и тогда дело возрождения России опять может затянуться на несколько лет», – предупреждал генерал (цит. по: [9]).

В 1924 г., исходя из стремлений объединить офицерские и солдатские союзы в более прочную структуру, П. Н. Врангель издал приказ о формировании Русского общевоинского союза (далее – РОВС), согласно которому в РОВС были включены: все офицерские общества, которые вступили в армию; все воинские части и воинские трудовые группы в Болгарии, Королевстве СХС и других государствах; как и отдельные офицерские группы и даже отдельные солдаты, которые по причинам локального характера не могли войти в какое-либо офицерское общество или союз и все-таки хотели остаться в рядах Русской армии. Хотя претендент на царский престол великий князь Николай Николаевич принял на себя роль главы РОВС, фактическое руководство находилось в руках генерала П. Н. Врангеля.

Союз имел свои отделения на всех континентах. IV отделение охватывало территорию Королевства СХС, Греции и Румынии, исходя из значения, которое русское верховное командование придавало Балканам, так как территория полуострова была удобна для размещения воинских частей, а также географически была близка СССР, что соответствовало планам командования о возвращении на Родину и продолжении борьбы с большевиками [2, с. 254–256].

На начальном этапе существования РОВС – при П. Н. Врангеле – его стратегия заключалась именно в проведении «Весеннего похода» [3, с. 5], поскольку генерал был против «активных мероприятий», считая их бесполезным распылением сил, так как они не наносили значительный ущерб советской власти, зато могли привести к гибели

офицеров-добровольцев [9]. При этом, по мнению одного из авторов, П. Н. Врангель был готов даже спровоцировать войну, возможности для этого у Главнокомандующего первоначально были [10]. Однако, по мнению Ю. С. Цурганова, в случае возобновления иностранной интервенции в СССР РОВС не мог бы трансформироваться в армию, которая могла бы противостоять Красной армии. Тем не менее он мог стать костяком армии, в состав которой вошли бы настроенные враждебно по отношению к советской власти граждане СССР: руководители РОВС рассчитывали на то, что часть Красной армии в ходе начавшейся войны могла бы повернуть оружие против своего правительства, принимая в расчет тот факт, что по своему социальному составу она была преимущественно крестьянской [6].

Однако обновить Русскую армию на Балканах так и не удалось. В 1926 г. из Королевства СХС уехали и генерал П. Н. Врангель, и русское верховное командование, немного разочарованные из-за неготовности правительств балканских государств допустить на своих территориях обновление армии [2, с. 256–257]. Тем не менее в очередном приказе РОВС, изданном в 1928 г. в Брюсселе, П. Н. Врангель продолжил призывать к сплоченности: «Ушел еще год. Десятый год русского лихолетья. Россию заменила Триэсерия (СССР). Нашей Родиной владеет Интернационал. Но национальная Россия жива. Она не умрет, пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь этой борьбе зарубежная Армия. Час падения Советской власти недалек. Наши силы понадобятся родине, и тем ценнее будут они, чем сплоченнее сохранится наша спайка, чем крепче останется дух» (цит. по: [9]).

Поскольку надежды на «Весенний поход» не оправдались, ибо ни одно государство Западной Европы не хотело поддержать вооруженную борьбу эмигрантов против СССР, генерал Александр Павлович Кутепов уже с начала 1920-х гг. настаивал на проникновении в СССР для подпольной работы [11, с. 311–312]. После смерти генерала П. Н. Врангеля в 1928 г. генерал А. П. Кутепов стал новым руководителем РОВС и начал направлять основные усилия на подготовку и отправку людей для активных действий в СССР. Деятельность РОВС проводилась в двух направлениях: первое заключалось в установлении связи с высшими чинами Красной армии (многие из которых в данный период были бывшими императорскими офицерами), в усвоении ими национально-освободительной идеи и в совместной подготовке военного переворота в Москве, второе – в проведении «среднего террора» в отдельных

советских учреждениях в столицах [11, с. 314]. Однако кроме гибели его участников он не приносил ничего [12, с. 98].

«Весенний поход» не был единственной концепцией продолжения борьбы с большевиками [13]. В среде русской эмиграции существовали и иные стратегии продолжения Гражданской войны. Николаевские монархические организации – те, кто поддерживали великого князя Николая Николаевича, – надеялись на иностранную интервенцию, а кирилловцы – сторонники другого претендента, великого князя Кирилла Владимировича, – на военный переворот при посредстве военспецов Красной армии [3, с. 5]. К тому же, по сведениям А. В. Серегина, в архивах сохранились десятки планов интервенции в Советскую Россию как с участием членов русских эмигрантских военных союзов, так и с привлечением армий иностранных государств, в большинстве из которых переоценивались военные силы русского зарубежья и недооценивались силы Красной армии [5, с. 187].

В 1930-е гг. свою стратегию выдвинуло и «Русское народное ополчение», правая организация русских эмигрантов, основанная в 1934 г. в Югославии [14, с. 66] с целью продолжения борьбы против большевиков («борьбы со злом во всех его разновидностях, т. е. коммунизмом до полного его истребления»), «освобождения родины» и «возрождения обновленной великой царской России» (Скородумов М., с. 2). Основателем и руководителем был полковник, позднее генерал Михаил Федорович Скородумов [14, с. 66; 15, с. 37], офицер Российской императорской армии, участник Первой мировой и Гражданской войн [16, с. 34].

В сообщении группы дружинников Русского народного ополчения от октября 1933 г. подчеркивалось, что «нужны спешные мероприятия и интенсивная работа. Ждать больше нельзя. Или сейчас, или никогда» (Группа Дружинников, с. 1). Организация призывала положить конец пассивности и бездеятельности: «Сделаем все, чтобы спасти нашу Родину» (Там же, с. 1), – при этом только при опоре на свои собственные силы: «Кругом враги и потому надежда только на самих себя. Нам нужна организационная сила и нужны деньги. Эмиграция обязана в кратчайшие сроки создать и то и другое. Для создания силы нужно спешно создать территориальное, т. е. по государствам рассеяния, Русское народное ополчение, которое в нужный момент будет действовать совместно с Русским народом (...) Чем скорее мы организуем силу и достанем денег, тем скорее обретем несчастную нашу Родину» (Там же, с. 1). Сама цель была четко определена: «дать дружинникам воинскую подготовку, развить в них сознание долга, чести и мужества, возможно скорее обучать военному делу, организоваться, обмундироваться и быть

готовыми... к самозащите. Обучение всем уставам, стрельба, обращение с оружием и тактические занятия в поле. Организация – создать способность в ближайшем будущем из каждого отделения и звена развернуться в более крупные единицы (...) Дружинник должен всеми способами бороться с преступным ничегонеделанием и пассивным ожиданием, что Россия спасется сама или чужими руками» (Скородумов М., с. 2).

Эти надежды на скорое возвращение домой долго не отпускали русских. Об этом свидетельствуют слова одного русского жителя Югославии, высказанные в 1939 г.: «Только очень немногие из нас, поколение, которое было на ведущих позициях перед революцией, смогло справиться с катастрофическими переменами, которые произошли. Огромное большинство живет и сегодня, как во... сне. Они надеются, что когда-нибудь, как в сказке, – спустится занавес над этой страшной трагедией, и вернется старое доброе время. Нельзя их осуждать, нельзя им упрекать. Может ли человек, который прожил больше полувека в условиях старой России, отказаться от этой фантазии, что это время не вернется? Эта мысль – это единственное, что еще дает силы для жизни» (Глуздовски, с. 12).

Такой психологический климат влиял и на другое поколение – тех, кто родился и/или получил образование в Королевстве СХС / Югославии. Именно в духе ожидаемого и желанного «скорого возвращения на Родину» велось воспитание в русских эмигрантских военных училищах – кадетских корпусах: «Мое воспитание в молодежной организации российских скаут-разведчиков, в которую я поступил в 1938 г., и в Русском Кадетском Корпусе, в который я поступил в течение того же года, белой нитью было проникнуто идеей служения России», – писал один из кадетов (Мордвинкин Ю. Б.). Сам политический климат в корпусе, по сведениям другого кадета, «был в своей основе непоколебимо, радикально монархическим в начале и умеренно монархическим в последующее время» [17, с. 257], так как корпуса «с их монархическим духом, готовили офицеров для несуществующей армии» (цит. по: [18, с. 32]). Данные утверждения подтверждались и самими руководителями корпуса: в 1943 г. директор Русского кадетского корпуса в г. Бела-Црква (на севере Сербии) Александр Григорьевич Попов назвал «непримиримую ненависть к большевикам» «всегда являвшейся отличительной чертой русского национального воспитания в корпусе» (ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 166. Л. 67). Когда в 1937 г. 4 кадета совершили побег в Румынию в целях «борьбы с большевизмом», полковник Владимир Иосифович Базаревич, который был начальником отдела Делегации, ведавшей интересами русской эмиграции в Югославии [19], института,

ответственного за помощь в урегулировании правового статуса русских беженцев, раскритиковал директора корпуса А. Г. Попова за его решение о наказании учащихся. В его письме красноречиво показана цель воспитания в корпусе: «Ваше личное решение по поводу проступка этих детей вызывает среди офицеров больше огорчение. В самом деле вышло так, что Вы поставили в вину им идейное стремление к активному исповеданию Белой идеи, ведь так надо понимать побег кадет через Румынию в Советскую Россию для совершения террористических актов. Но разве за это казнить можно? И разве можно опасаться, что корпус будет потрясен, если найдутся среди них последователи этой идеи? Я считаю, что Слава Богу, что среди Ваших воспитанников есть подобное горение, что кадеты, как и встарь, горят жертвенностью для Родины и самопожертвованием: эта высокая, духовная сторона нами должна поддерживаться. Конечно, кадеты должны быть строго наказаны за нарушение порядка, но надо чтобы и нам и кадетам было ясно, что наказуется антидисциплинарный проступок, т. е. наказание в пределах корпуса, а не преследовалась бы идея активной борьбы с большевиками» (ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 67. Л. 72). Однако хотя в итоге на допросе выяснилось, что причинами побега стали не желание бороться с большевиками, а учебная неуспешность, строгий режим корпуса и недовольство корпусным питанием (ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 166. Л. 346), следует отметить, что во время оккупации Сербии немцами в период с 1941 по 1944 гг. определенное число кадет, а также русских эмигрантов-учеников Первой русско-сербской гимназии в Белграде вступили в ряды Русского корпуса [18, с. 23].

После начала немецкой оккупации Сербии в 1941 г. М. Скородумов, которого назначили начальником единственной эмигрантской организации – Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии, созданной по приказу Командующего немецкими вооруженными силами на этой территории, – начал реализовывать свою идею возрождения Русской армии для освободительного похода против советской власти и продолжения Гражданской войны против большевиков. Уже в сентябре того же года М. Скородумов создал Русский корпус, который, по ликвидации коммунизма в Сербии, должен был быть переброшен на Восточный фронт [16, с. 37, 41–43; 4, с. 28–29]. В приказе о формировании этого воинского подразделения отмечалось: «Если возродится Русская Армия, то возродится и Россия. С Божией помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию» (цит. по: [20, с. 4]). Тогда же была объявлена и мобилизация всех русских возрастов от 18 до

51 года, а в корпус стали вступать молодежь, бывшие офицеры и солдаты [4, с. 34, 55]. Вступление в ряды антипартизанских частей эмигранты мотивировали желанием защититься от партизанского террора, а также материальными причинами, однако в их действиях присутствовало и стремление вернуться на родину победителями. Да и многими русскими события 1941–1945 гг. воспринимались как продолжение борьбы с большевиками и окончание Гражданской войны, так как многие исходили из парадигмы незаконченной Гражданской войны [4, с. 54–55]. По мнению самих чинов Русского корпуса, объявлением Приказа № 1 Отдельному Русскому корпусу «было положено начало осуществлению надежд Российской политической эмиграции на возобновление прерванной в 1920 г. священной борьбы за Родину против ее поработителей большевиков» (цит. по: [20, с. 4]). Однако поскольку идея М. Скородумова не соответствовала немецким планам, он был снят с всех должностей [16, с. 43–44]. Тем не менее осенью 1944 г., когда Красная армия приехала к границам бывшей Югославии, сбилась мечта организаторов Русского корпуса вступить в бой с частями этой армии. В ходе попыток сдержать наступление Красной армии в Восточной Сербии, а также при отражении ударов партизанских подразделений, пробывавшихся из Боснии и Рашки, личный состав Русского корпуса понес серьезные потери [4, с. 38–39].

Вопрос продолжения борьбы с большевиками был одним из основных стремлений и целей жизни русских беженцев в изгнании. Представителями русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия выдвигались различные стратегии, концепции и идеи продолжения Гражданской войны против большевиков: от «Весеннего похода» до иностранной интервенции и военного переворота. Все они надеялись на скорое возвращение домой и долго жили в ожидании того же дня.

Список источников

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Глуздовски. Руска емиграција после 20 година. Нове генерације југословенских Руса реално гледају на живот // Време. – 1939. – 29 октябра.
 Группа дружинников русского народного ополчения. Русское Народное Ополчение // Царский вестник. – 1933. – 15 октябра.
 Даватц, В. Х. Русская армия на чужбине / В. Х. Даватц, Н. Н. Львов. – Белград : Русское издательство, 1923. – 123 с.
 Ильин, И. А. Родина и мы / И. А. Ильин. – Белград : Русская типография, 1926. – 16 с.
 Мордвинкин, Ю. Б. Белогвардейцы. Автобиографическая повесть / Ю. Б. Мордвинкин. – Б. м. : Б. и., 1997. – 308 с.

Скородумов, М. Памятка дружинника / М. Скородумов // Царский вестник. – 1934. – 25 марта.

Скрынченко, Д. В. Обрывки из моего дневника / Д. В. Скрынченко. – Москва : Индрик, 2012. – 431 с.

Список литературы

1. Јовановић, М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924 / М. Јовановић. – Београд : Стубови културе, 1996. – 386 с.

2. Јованович, М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 гг. / М. Јованович. – Москва : Русский путь, 2005. – 488 с.

3. Базанов, П. Н. Братство русской правды: самая загадочная организация Русского Зарубежья / П. Н. Базанов. – Москва : Посев, 2013. – 430 с.

4. Тимофеев, А. Ю. Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945 / А. Ю. Тимофеев. – Москва : Вече, 2010. – 400 с.

5. Серегин, А. В. Союз русских государевых людей в эмиграции и планы организации «весеннего похода» в СССР. Проект И. И. Сикорского / А. В. Серегин // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – № 3. – С. 187–197.

6. Цурганов, Ю. С. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка рванша. 1939–1945 гг. / Ю. С. Цурганов. – Москва : Центрполиграф, 2010. – 287 с.

7. Арсеньев, А. Б. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци: Одбор за подизање споменика генералу П. Н. Врангелу: Културни центар Карловачка уметничка радионица / А. Б. Арсеньев. – Нови Сад : Музеј града Новог Сада, 2008. – 131 с.

8. Денисов, А. «Вы не подходите под категорию чинов Русской Армии» / А. Денисов // Русская традиция. – 2024. – URL: https://ruslo.cz/index.php/anonsy/item/2270-vy-ne-podkhodite-pod-kategoriyu-chinov-russkoj-armii#_edn5 (дата обращения: 07.08.2025).

9. Соколов, Б. В. Врангель. Жизнь и смерть за Россию / Б. В. Соколов. – Москва : Вече, 2013. – 368 с.

10. Борейко, А. М. Русский Общевоинский Союз и советские органы государственной безопасности: 1924 – вторая половина 1930-х годов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. М. Борейко. – Москва, 2002. – 220 с.

11. Назаров, М. В. Миссия русской эмиграции (на фоне катаклизмов века) / М. В. Назаров. – Москва : Русская идея ; Санкт-Петербург : Русская лира, 2020. – 1280 с.

12. Онегина, С. В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 20–30-е года (к истории идеологии) / С. В. Онегина // Отечественная история. – 1998. – № 4. – С. 87–99.

13. Živanović M. Ideje i planovi borbe protiv komunizma u redovima ruske emigracije u Kraljevini SHS / Kraljevini Jugoslaviji / M. Živanović // Srpsko-hrvatski odnosi u 20. veku / ur. D. Gavrilović. – Golubić, 2020. – S. 53–71.

14. Огороков, А. В. Знаки русской эмиграции (1920–1990) / А. В. Огороков. – Москва : Collector's Books, 2005. – 176 с.

15. Никифоров, К. В. Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) / К. В. Никифоров // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 33–44.

16. Тимофејев, А. Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945 / А. Тимофејев. – Београд : Институт за новију историју Србије, 2011. – 464 с.

17. Эйснер, А. В. Путь в эмиграцию. Сербия, Прага / А. В. Эйснер // Русская эмиграция в Европе 20-е – 30-е годы XX века / под ред. С. А. Беляева, Л. В. Пономаревой. – Москва, 1996. – С. 222–266.

18. Арсеньев, А. Б. Гимназия в лицах: Первая русско-сербская гимназия в Белграде: (1920–1944). Кн. 1 / А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский. – Белград : Архив Сербской Православной Церкви ; Центр российских и восточно-славянских исследований им. Мирослава Йовановича Философского факультета Белградского Университета ; Москва : Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. – 638 с.

19. Волков, С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога : в 2-х т. / С. В. Волков. – Москва : ФИВ, 2012. – 1464 с.

20. Егоров, В. В. Русский корпус. Доклад к 10-летию юбилею основания Русского корпуса / В. В. Егоров. – Нью-Йорк : Б. и., 1951. – 10 с.